

2207

● 4 стр.

ЮЖНАЯ ПРАВДА!

ТРИБУН ЛЮБВИ

К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

«Письмо Татьяне Яковлевой» впервые было опубликовано у нас в апрельском номере «Нового мира» в 1956 году. Кто же такая Татьяна Яковлева?

В 1925 году Татьяна Яковлева, по вызову дяди, известного художника Александра Яковлева, проживающего в Париже, уехала из нашей страны для лечения за границей и осталась там по личным обстоятельствам навсегда. В настоящее время мы располагаем ценными материалами переписки В. Маяковского с ней, а также переписки Татьяны Яковлевой с ее матерью и сестрой. Эти письма открывают, прежде всего, новую яркую страницу личной жизни поэта. Они помогают расширению нашего представления о духовном облике обоих влюбленных, а также дают возможность по-человечески просто понять одно из слагаемых жизненной драмы поэта, которая закончилась его трагической гибелью.

В. Маяковский умел любить. Он уехал из Парижа домой, а заказанные им цветы и стихотворные записки, оставленные в цветочном магазине, не переставали приходить к Татьяне Яковлевой... В письмах к ней В. Маяковский признается: «Твои строки — это добрая половина моей жизни» вообще и вся моя личная... Я не растекаюсь по бумаге (профессиональная ненависть к писанию), но если бы дать запись всех, моих со мной же, разговоров о тебе, написанных писем, невыговоренных ласкостей, то мои собрания сочинений сразу бы вспухли вдвое и все сплошной лирикой... Не может быть такого

случая, чтобы мы с тобой не оказались во все времена вместе...»

Из писем Т. Яковлевой к родным мы узнаем, что у В. Маяковского «бесконечная доброта», «заботливость» о ней, Татьяне. Т. Яковлева пишет: «С большой радостью жду его приезда осенью. Здесь нет людей его масштаба. В его отношениях к женщинам (и ко мне в частности) он абсолютный джентльмен». Или: «...Он такой колоссальный и физически, и морально, что после него буквально пустыня. Это первый человек, сумевший оставить в моей душе след».

В Маяковский познакомился с Т. Яковлевой 25 октября 1928 года и до дня своего отъезда из Франции в течение 40 дней встречался с ней ежедневно. Вторично он встретился с ней в Париже в феврале 1929 года и уехал домой в апреле того же года. В свой последний приезд в Париж В. Маяковский договорился о встрече с Т. Яковлевой осенью с тем, чтобы окончательно решить вопрос о ее переезде в Москву. Но он не получил выездной визы. А чьи-то злые языки доносили до ушей Татьяны, что В. Маяковский собирается жениться в Москве. Произошла размолвка. На последнее письмо В. Маяковского от 5 октября 1929 года Татьяна, очевидно, не ответила. 23 декабря 1929 года она вышла замуж за виконта Бертрана дю Плесси и вскоре переехала с мужем в Варшаву. Муж ее погиб в мае 1940 года на бельгийском фронте.

В «Письме Татьяне Яковлевой», несомненно, интимном послании любимой, В. Маяковский остается верным себе: через любовь он острее переживает свою кровную связь с родной землей, прошедшей сквозь трудные испытания. В стихотворении читаем: «Пять часов, и с этих пор стих людей дремучий бор, вымер город заселенный, слышу лишь свисточный спор поездов до Барселоны». А вслед за этими строками поэт вдруг начинает вести разговор о ревности. К кому? Оказывается, Татьяна Яковлева собиралась съездить в Барселону на концерт Ф. И. Шаляпина, будучи восторженной поклонницей его таланта. Известно, что еще в 1927 году, в стихотворении «Господин народный артист», В. Маяковский с присущей ему бескомпромиссностью сказал о Ф. И. Шаляпине: «...Тот, кто сегодня поет не с нами, тот — против нас». Поэтому в стихотворении «Письмо Татьяне Яковлевой» речь идет не о ревности мелкого сорта: «...жены, слезы... ну их! — вспунжут веки, апору Вию», а о ревности по большому счету: «Я не сам, а я ревную за Советскую Россию!»

Находясь здесь, за границей, поэт видит не один, а два мира: социалистическую Родину и буржуазную действительность. Без счастья Родины он не может быть счастливым с любимой. Об этом свидетельствуют уже первые знаменитые строки «Письма Татьяне Яковлевой»: «В поцелуе рук ли, губ ли, в дрожи тела близких мне красный

цвет моих республик тоже должен пламенеть».

Время властно распорядилось личной судьбой поэта и придало его любовным стихам горький, полынный привкус неразделенности чувства, не сбывшейся как светлый праздник любви...

Сейчас, с дистанции лет, есть возможность увидеть различие в изображении любви поэтами прошлого века и нынешнего. XIX век и в жизни, и в литературе был веком первой любви (за исключением Тютчева, чья последняя любовь была отвергнута современником ему обществом). А XX век стал веком последней любви. Во-первых, в начале этого века люди рано уходили из жизни (войны, революции). Их первая любовь была и последней. Кроме того, исторические потрясения настолько изменяли жизненный уклад людей, что, помимо их воли, на первый план выступала проблема борьбы за жизнь, физического выживания. А во второй половине века последняя любовь раскрывалась тем, кто был лишен в жизни первой любви из-за повторяющихся исторических бурь.

И если в стихах XIX века преобладает тема встречи, то в поэзии XX столетия звучит мотив неустойчивости. Вспомним строчки из стихов М. Цветаевой: «...за наши негулянья под луной, за солнце не у нас над головами». Или у А. Ахматовой: «Но в памяти той неустойчивости шиповник посажу»; «Сюда принесла я блаженную память последней неустойчивости с тобой, хо-

лодное, чистое, легкое пламя победы моей над судьбой»... У М. Исаковского читаем: «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону».

XX век в мировой и отечественной поэзии стал, таким образом, веком разлук и утрат. Но это не значит, что любовь отступила, капитулировала перед сложными обстоятельствами. Наоборот. Невстреча, рождающаяся из несоединения, неслияния двух любящих, становится целым миром, который обнаруживает духовное богатство, мужество и величие страдающего и любящего на расстоянии человека. Это — подлинное торжество духа, священный труд души.

Любовь, отвергнутая и подавленная законами и предубеждениями буржуазного строя в поэзии раннего Маяковского и неразделенная любовь, ситуация неустойчивости в творчестве поэта пооктябрьского периода стали поистине неисчерпаемым источником выявления его «души золотых россыпей». И в любом из жизненных испытаний поэт думал всегда о самом главном: «красном цвете республик». Таким был и вошел в нашу жизнь В. Маяковский: «лирик революции и трибун любви» (В. Перцов), оставшийся бессмертным на «несгорающем костре немыслимой любви».

Нельзя не присоединиться к словам Анатолия Стерна о поэте: «Наиболее точный ключ к пониманию поэзии Маяковского — это сознание, что во всем том, что он написал, он прежде всего — гениальный лирик».

Т. ПЕРЕСУНЬКО,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы педагогического института имени В. Г. Белинского.

(Окончание.
Начало в № 3
21 июля с. г.).